ПРИЗРАКИ ИЗ ПРОШЛОГО

Запись № 1

Маньчжурия, июнь, 1917 год

Милая Любушка!

Теперь, после всего, что со мной произошло, я почти уверен, что нам не суждено встретиться. Хотя слабая надежда на то, что это случится и мы будем вместе, не покидает меня. Но понимаю, что это очень и очень иллюзорно.

А пишу я потому, чтобы хотя бы таким образом поговорить с тобой, ведь когда я вывожу эти строки, мне кажется, будто ты сидишь рядом и слушаешь меня, как обычно, подперев кулачком щечку. Как бы мне хотелось, чтобы так было на самом деле!

Увы, увы...

Я в Маньчжурии, и сколько здесь пробуду, неизвестно. Как жаль, что я так и не

сумел уговорить тебя бежать со мной. Одно успокаивает: если я не вернусь, ты ни в чем не будешь нуждаться. Уверен: когда-нибудь, может быть, очень скоро, появится человек, с которым вы будете делить все тяготы и радости жизни. Вот он-то и должен забрать на шахте то, что будет предназначено уже вам обоим. Где это находится, отмечено на чертеже, который я тебе оставил. Главное, чтобы ты запомнила то, что я сказал во время последней встречи.

Да, Любушка, мне удалось сделать так, чтобы ты (или вы) никогда ни в чем не нуждалась, но если бы ты знала, чего это стоило! Ведь я, можно сказать, чудом остался жив.

Помнишь, я рассказывал тебе, как устроена шахта? Даже изображал ее графически: рисовал широкий тоннель — штольню, от которой в разные стороны расходятся узкие коридоры — квершлаги. А между входом в нашу шахту и штольней природа образовала небольшое расширение, напоминающее комнату с округлыми углами.

И вот в ту последнюю ночь, когда я добрался до шахты, вход в нее, разумеется, был завален. Если бы не полнолуние, я вряд ли сумел бы отыскать между камень-

ями небольшое пространство, через которое удалось протиснуться внутрь. То, что предстало перед моим взором, едва только я зажег фонарь, опишу в следующий раз. Скажу лишь одно: мне захотелось убежать с этого места и больше никогда о нем не вспоминать. Но я пересилил себя и пошел в штольню, а потом — в квершлаг, ведь я дал себе слово обеспечить твое будущее.

Когда все было сделано и я, погасив фонарь, уже почти добрался до выхода (до него оставалось каких-нибудь два аршина), ОНИ окружили меня плотным кольцом, и я, похоже, потерял сознание. А очнувшись, увидел в кромешной тьме под сводом шахты ИХ, напитавшихся моей энергией и похожих на огромных желто-зеленых светлячков.

Выход, как я уже говорил, был совсем рядом, но я так ослаб, что не мог пошевелить и пальцем. И понял, что это конец. Что мне суждено навсегда остаться здесь вместе с НИМИ — шестью душами загубленных стражников, которые смотрели на меня сверху и, наверное, радовались такому исходу. Ведь я не мог спасти их от озверевших каторжников, и теперь, похоже, ОНИ хотели, чтобы я разделил их участь.

Я закрыл глаза и мысленно простился со всеми, и прежде всего с тобой, Любушка. Ведь помощи ждать было не от кого....

Твой В. Е.

ЧАСТЬ I
Москва. Наше время

Глава 1

Я не такой, как все.

Я толстый, неповоротливый, некрасивый. Лицо в прыщах, поэтому я стараюсь не смотреть на себя в зеркало. Настроение у меня почти всегда паршивое (и есть от чего!), и поднять его могут только бутерброды, пирожки, мороженое и конфеты. Школьный психолог сказал, что я заедаю проблемы. Наверное, так и есть.

Проблем у меня воз и маленькая тележка. Учусь я неважно (точнее, плохо). А все оттого, что не могу сосредоточиться на уроке.

Я не могу подтянуться на перекладине и пробежать стометровку.

И, наконец, я не могу дать отпор Попову и его команде — Кириллову, Рюмкину

и Верхотурову. Ведь для этого всего нужны силы, а у меня их нет.

У меня ни на что нет сил. И с каждым днем их становится все меньше и меньше.

Я пытался рассказать об этом психологу, но он только рассмеялся и попросил нарисовать дом моей мечты.

Что я мог нарисовать? Пустую комнату с огромными окнами.

— И это все? А люди, друзья, школьные товарищи, где они?

— А мне они не нужны, — ответил я. — Мне нужны силы.

Мне на самом деле нужны силы, которые раз или два в неделю высасывают ОНИ. ОНИ приходят ко мне во сне. Утром я могу всего лишь дойти до школы, с трудом отсидеть уроки, не вникая в то, что говорит учитель, и... все.

Этот сон снится мне, наверное, лет с трех. Стоит закрыть глаза, как я оказываюсь в кромешной тьме. Я знаю, что это каменная пещера и что еще немного — и придут ОНИ. И они приходят. И хотя я ИХ не вижу, я знаю, что они рядом — тело становится ватным и тяжелым, мне не хватает воздуха, я задыхаюсь и теряю сознание.

А когда силы начинают возвращаться, в пещеру уже проникает серенький свет и под ее высокими сводами хорошо видны шесть сущностей, похожих на огромных желто-зеленых светлячков. Это и есть ОНИ. Мне кажется, что они очень довольны, что напитались моей энергией. И я почему-то уверен, что если не позову на помощь, ОНИ опять набросятся на меня, высосут последние силы, и я навсегда останусь здесь. В каменном мешке.

Я пытаюсь кричать, но вместо крика из груди вырывается чуть слышный писк, похожий на писк только что вылупившегося цыпленка. Но, наверное, это не так, потому что рядом оказывается мама, берет меня за руку и сидит со мной до тех пор, пока я опять не усну.

Утром сквозь дрему слышу:

— Илья! Пете опять снились кошмары! Ну найди же ты специалиста в конце-то концов!

— Даже не знаю, к кому еще обращаться, — отвечает папа. — Мы обошли уже двадцать профессоров!

— Значит, надо найти двадцать первого! Уж с твоими-то связями...

«Связями» мама называет папиных знакомых, которых у него очень и очень много.

Ведь папа — редактор российского журнала «Родные просторы».

Но даже «связи» не помогли разобраться, что же со мной происходит. И теперь я уверен, что ни двадцать первый, ни сто пятый профессор не в состоянии мне помочь. Каждый из них скажет:

— К счастью, все нормально. Патологии нет.

И добавит:

— А вот с лишним весом надо бороться.

Так пролетает год, другой, третий, десятый... Мне уже четырнадцать, скоро будет пятнадцать, но по-прежнему снятся кошмары, которые лишают меня сил. Иногда я чувствую себя дряхлым стариком, но кто об этом знает, кроме родителей?

Глава 2

Сегодня папа не входит, а влетает в квартиру. Возбужденный, с потным красным лицом.

— Петя, Алина, собирайтесь! — кричит он. — Нас ждет профессор Политатуйко! Он работает в НИИ по новейшему направлению, с новейшей аппаратурой, какой нет нигде в мире! Но самое главное — он прямо

сейчас готов проконсультировать Петьку. Чует мое сердце, что это шанс, Алина.

— Сколько уже было таких шансов, — вздыхает мама и все-таки говорит: — Ну что ж, Петя, собирайся, поедем.

Я нехотя собираюсь и думаю о том, что вряд ли этот профессор с такой странной фамилией мне поможет. Даже несмотря на то, что его НИИ работает в новейшем направлении и с новейшей аппаратурой. Сколько уж профессоров пытались разобраться с моей дурацкой болезнью! Да и болезнь ли это?

В НИИ нас встречает профессор Политатуйко. Он толстый. Толще, чем я. Голова у него круглая, как глобус, лысая, а из макушки весело торчат несколько рыжих волосинок.

Он просит родителей подождать в приемной, а меня приглашает в свой кабинет и спрашивает, спрашивает, спрашивает... Я отвечаю, но почему-то не могу избавиться от ощущения, что он все знает и так. И про ночные кошмары, и про издевательства Попова с Кирилловым, Рюмкиным и Верхотуровым.

Наконец разговор окончен, профессор подходит к двери, приоткрывает ее и приглашает родителей войти.

Они наперебой засыпают его вопросами.

— Ну что?

— Есть надежда?

— Неужели можно помочь?

— Не будем торопить события, — отвечает Политатуйко. — Для начала мы должны установить за вашим сыном непрерывное наблюдение. Слышите — непрерывное!

— Стационар? — взволнованно спрашивает мама.

— Проще! Мы подведем к его голове несколько электродов!

При этих словах меня охватывает ужас куда более сильный, чем встреча с Поповым и его командой.

Профессор нажимает на красную кнопку, и в кабинет вплывает полная женщина в белом халате.

— Татьяна Павловна, пожалуйста...

Он что-то ей говорит, но я уже не слушаю. Мне страшно. «Подведем электроды...». Как это?

Мне приказывают идти за Татьяной Павловной в другой кабинет. Боковым зрением вижу, как мама подносит к глазам носовой платок.

Татьяна Павловна просит лечь на кушетку, осторожно вырезает в некоторых

местах головы пряди волос и делает что-то такое, от чего становится щекотно.

— Все же хочу уточнить, — доносится голос папы. — Я правильно понял, что то, что происходит с нашим сыном, относится к разряду... необычного? Или, как вы сказали, непознанного?

— Совершенно верно! Добавлю: пока непознанного! Но мы постараемся это познать, даю слово!

Похоже, я на какое-то время отключаюсь, а когда прихожу в себя, вижу в проеме двери тучную фигуру Политатуйко.

— Все? Отлично! Можешь вставать, — говорит он.

Я снова иду в кабинет. Голова немного кружится.

— Теперь, Петр, слушай. В некоторые моменты у тебя будут возникать необычные ощущения. Ты должен запоминать, когда и при каких обстоятельствах... А еще лучше — фиксировать все-все-все события, которые будут с тобой происходить буквально с сегодняшнего дня. Потом разберемся что к чему. И знай, что с этого момента над тобой будет непрерывный контроль. Ну, все — вперед, к победе науки над темными силами!